

В.Г. Гак, Л.А. Мурадова, И.А. Будницкая [и др.];
под ред. В.Г. Гака. М.: Рус. яз., 2005.

8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

The Russian and French phraseological unit originality in the ethnic and cultural vein

The linguistic and cultural specificity of phraseological units is shown in its figurative base (inner form), study of which contributes to the culture codes (meanings) revelation, explaining the conduct and perception models of the world around both in a separately concerned linguistic society and in comparison with others.

Key words: *linguistic culturology, culture code, phraseological unit inner form, ethnic and cultural specificity of a phraseological unit, linguistic world picture.*

Н.М. БАРАХОЕВА
(Магас)

**О РЕАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ
КОЛИЧЕСТВЕННОЙ
АСПЕКТУАЛЬНОСТИ
В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Рассматриваются типы количественной аспектuality – итеративность, хабиутальность, мультипликативность, узуальность, раритивность. Описываются грамматические и лексико-грамматические средства передачи указанных значений в ингушском языке. К грамматическим средствам актуализации количественной аспектuality относятся аналитические и синтетические формы глагола, к лексико-грамматическим средствам – итеративные и семельфактивные глаголы.

Ключевые слова: *аспектуальность, множественность действия, итератив, раритив, хабиуталис, узуальность.*

В результате исследования мы подразделяем типы аспекта в ингушском языке в зависимости от его семантики на аспекты качественного и количественного характера. Средства

актуализации данных значений в ингушском языке могут быть как чисто морфологическими, так и лексико-грамматическими. Средства актуализации аспектных признаков переплетаются, на наш взгляд, переходя из разряда лексических в разряд морфологических.

Мы предприняли попытку осветить показатели количественной аспектuality, т.е. глагольной множественности действия в ингушском языке, которая рассматривается в типологической лингвистике как наименее грамматикализованное значение. В работе В.С. Храковского была представлена система возможных типов множественности ситуаций [5]. Изложение проблем, связанных с описанием кратности в естественных языках, в частности в русском, представлено также в коллективной монографии под редакцией А.В. Бондарко [1], в которой раздел, посвященный изучению проблематики кратности, также составлен В.С. Храковским.

Итак, значения количественной аспектuality представляют действие с точки зрения его повторяемости или кратности. В лингвистике семантика кратности рассматривается как состоящая из трех компонентов: 1) семантические классы глаголов, сочетающиеся со значениями признака кратности; 2) слова и словосочетания, лексически выражающие значения признака кратности и соответственно сочетающиеся с семантическими классами глаголов, образующими первый компонент; 3) грамматические категории (или любые грамматикализованные средства), специально предназначенные для выражения значений данного семантического признака [1, с. 127]. Очевидно, что первые два компонента семантической зоны кратности являются для естественных языков универсальными. Что же касается третьего компонента данной зоны, то здесь ту универсальность, которая характерна для первых двух компонентов, обнаружить не удается.

При характеристике компонентов, участвующих в реализации значения кратности, обращаем внимание на следующие факторы. Глаголы, имеющие признак кратности, выражают квантифицируемые действия [1, с. 127]. Глаголы, обозначающие постоянные свойства, устойчивые (ментальные или эмоциональные) характеристики, не сочетаются с признаком кратности ситуации [3, с. 223]. В качестве глаголов, выражающих ментальные или эмоциональные состояния, используются в ин-

гушском языке лексемы типа *ха* 'знать', *деза* 'нуждаться', *догдаха* 'любить' и т.п. Не сочетаются с показателями кратности глаголы (каузативы), обозначающие абстрактные ситуации типа *кхеде* (в, й, б) 'воспитывать, растить', *кулгалде* 'руководить' и т.п. С глаголами указанного типа невозможно употребление лексических спецификаторов признака кратности ситуации – обстоятельств и выражений, квалифицирующих действия в высказывании как кратное.

Глаголы же, выражающие непостоянные действия или ситуации, предельные или не-предельные действия, сочетаются с показателями кратности. Надо заметить, что в ингушском языке свободно с признаком кратности сочетаются глаголы, обозначающие действия, явно нацеленные на достижение предела (т.е. действия, предполагающие скорое завершение действия по своей семантической характеристике), типа *латта* 'стоять', *даха* 'ходить', *ата* 'молотить' и т.п. Следует заметить и то, что глаголы со значением гомогенности действия (состояния) типа *ала* 'лежать', *цамага* 'болеть' в ингушском языке способны сочетаться с показателем кратности (оформленным аналитической граммемой глагола) в зависимости от контекста, актуализируя при этом признак постоянства: *Сона мел гуча хана уллаш хул кх из / Каждый раз (все время) как я вижу его, он лежит*, сочетаясь с обстоятельствами, выражающими признак кратности или постоянства – узуальности: *массаза, даиман 'постоянно, всегда'* и т.п.

Что касается лексических спецификаторов признака кратности действия, то здесь следует обратить внимание, что к числу таковых средств в ингушском языке мы причисляем обстоятельства цикличности, выражающие регулярно повторяющиеся периоды времени: *хIара дийнахъа 'каждый день', шер-шерра 'каждый год', бус-бусса 'вечерами'* и т.п.: *Бус-бусса цунца къамаьл дора дас... / Вечерами с ним беседовал отец...*

К лексическим спецификаторам признака кратности мы относим и обстоятельства интервала типа *цкъаза, наг-нагахъа, сих-сиха* и т.п.: *Сих-сиха царна наIарга водар кIаьнк / Частенько к ним ходил мальчик.*

Обстоятельства узуальности также сочетаются с показателями кратности ситуации. При этом реализуется значение повторения ситуации, приобретающей семантику постоянства типа *массаза, даиман, дукхагIдолча даькье* и т.п.: *Даиман даьца ваьхар кIаьнк / Все время с отцом жил мальчик.*

Помимо этого в реализации признака кратности в ингушском языке участвуют и обстоятельства кратности ситуации типа *шозза, кхозза* и т.п.: *Шозза йистхилар из йиIигага / Дважды обратился он к девочке.* При этом обращает на себя внимание тот факт, что при обстоятельствах интервала и кратности действия в контексте кратности используются формы прошедшего времени СВ типа *йистхилар 'сказал', ваьхар 'пожил'*.

В качестве третьего компонента зоны кратности рассмотрены в ингушском языке грамматические глагольные формы прошедшего времени НСВ и СВ, используемые часто для передачи значения неоднократного повторения действия. Форма прошедшего времени СВ используется при реализации повторяющейся единичной ситуации: *Дукхаза ихар из царна наIарга / Много раз ходил (походил) он к ним*; при необходимости же актуализации неограниченно-кратных ситуаций ингушский язык пользуется формой прошедшего времени НСВ *ХIара дийнахъа ухар из царна наIарга / Каждый день ходил он к ним.* Однако основная роль в выражении семантики кратности в ингушском языке принадлежит глаголам с выражением множества повторяющихся действий. Данные глаголы рассматриваются нами в качестве глаголов НСВ *сетта* 'гнуть', *лета* 'драться', *тетта* 'толкать' и т.п.: *Берех лийтавар из / Детей бил (бивал) он.* Такого рода глаголы именуются в лингвистике итеративными глаголами. Функционируют они в ингушском языке в значении прошедшего и настоящего времени, реже – будущего времени.

Семантика многократного повторения действия передается и в высказываниях с многоактными глаголами: *КIаьнкаца къамаьл дув-цар цо / С мальчиком беседовал он.* Мы предлагаем различать в ингушском языке многократные и многоактные глаголы. Действия или ситуации, передаваемые первыми, референцируются с многочисленными актами внутри этого действия, а многократные – с повторяемостью этого действия в рамках некоторого времени: Ср.: *дувца 'рассказывать', яха 'говорить', сакъерда 'веселиться', кхувса 'бросать'.*

Напомним, что в нахских языках изначально предлагалось различение двух граммем аспекта: однократный и многократный виды. В нахских языках в целом и в ингушском языке в частности можно выделить следующие типы количественного аспекта: 1) *итератив* – аспект, выражающий ситуацию, которая полностью повторяется через

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

определенные промежутки времени. Рассматривая данный тип аспекта в ингушском языке, мы подчеркиваем следующие его особенности: 1) совокупность ситуаций является неконкретизированной (в каждой из повторяющихся ситуаций задействовано одно и то же количество глагольных актантов); 2) ситуация семантически неизменна. Итеративная многократность ситуации преимущественно представлена в ингушском языке предложениями с глагольными формами НСВ, которым более чем другим словоформам свойственно выражение кратности ситуации. К числу глаголов, преимущественно имеющих это значение, мы причисляем глаголы НСВ, чьи корреляты СВ имеют значение моментального осуществления действия типа тех, что имеют приставки локального значения *кхача* – *длакхача* ‘*дойти – дойти (до места)*’: *Сиха длакхочар из балха* / Быстро *добирался он до работы*, *таттта* – *хьататта* ‘*толкать – до толкнуть (толкнуть к)*’, имеющие приставки со значением указания направления действия типа *эца* – *хьаэца* ‘*взять – брать*’, *лаца* – *хьалаца* ‘*держать – поддерживать*’ *Цунгар хьаацар цо ахча* / У него *брал он деньги*. Причем в этом случае актуально и появление дополнительного актанта действия, способствующего изменению аспектной характеристики глагола и высказывания в целом. (Заметим, что термины «СВ – совершенный вид», «НСВ – несовершенный вид» относительно начальной формы ингушского глагола мы употребляем условно, т. к. ингушский глагол в исходной форме, по нашему убеждению, к категории предельности действия индифферентен.)

К данному типу аспекта мы причисляем многократные глаголы типа *сеца*, *лета*, *детта* ‘*останавливаться (много раз)*, *бить (бивать)*, *ударять (много раз)*’. Для выражения итеративности действия актуально также значение количества актантов, выступающих в качестве дополнения при глаголе: *хабар дувца* – *хабараш дувца* ‘*разговор вести (говорить)*’ – *разговоры вести (говорить)*’, *книжка деша* – *книжкаш деша* ‘*книгу читать – книги читать*’. Здесь мы видим, что в зависимости от категории числа согласующегося с глаголом актанта меняется и семантика кратности. Так, если в первом случае мы имеем выражение значения одноразового действия (*Книжка деш кIаьнка* / *Книгу читает мальчик*), то во втором случае – выражение семантики многократного или даже узувального действия: *Книжкаш деш кIаьнка* / *Книги читает мальчик*.

Для актуализации значения итеративности в ингушском языке важна роль лексических элементов – спецификаторов семантики кратности действия, таких как *массаза*, *даиман* ‘*постоянно, всегда*’, *хIара дийнахьа* ‘*каждый день*’ и т.п.

Внутри зоны кратности в ингушском языке выделяем также и значение *хабитуалиса*, содержание которого сводится к актуализации значения регулярного повторения действия, ставшего уже привычным. Данное значение, на наш взгляд, грамматикализуется в ингушском языке на уровне форм глаголов с многократной семантикой действия типа: *Берех лет из*; *ХIара дийнахьа укхазз гIолла балха ух из*. Следующей разновидностью итератива в ингушском языке является *раритив*, являющийся показателем ситуации, воспроизводящейся с периодичностью ниже нормальной: *Берех летаи хул из* / Он (*иногда*) *бьет (побивает) детей*; *Укхазз гIолла балха ухаи хул из* / Он (*иногда*) *хаживает этой дорогой на работу*.

Как следует из приведенных примеров, данный тип итеративного аспекта актуализируется не только лексическими средствами – глаголами итеративного значения, но и аналитическими формами глагола типа *летаи хул*, *ухаи хул*, причем образование аналитического показателя итеративного аспекта в ингушском языке возможно не только от глаголов многократной семантики, но также и от противостоящих им глаголов однократной (семelfактивной) семантики: ср. *ухаи хул* ‘*хаживает (регулярно)*’ – *водаи хул* ‘*хаживает (нерегулярно)*’ *ХIара дийнахьа укх новкъа гIолла ухаи хул из* / *Каждый день он ходит (хаживает) этой дорогой* – *Сона бIарг массаза гу, балх водаи хул из* / *Каждый раз, когда я вижу его, он идет (бывает идущим) на работу*. Использование того или иного показателя граммы итеративности обуславливается контекстом, т. е. желанием говорящего подчеркнуть повторяющееся с регулярностью действие или действие, повторявшееся не раз, но не являющееся регулярным или систематическим. В этом смысле интересен аналитический показатель граммы раритива от многократных глаголов типа *ухаи хилар*, *летаи хилар* *сецаи хилар*, *къегаи хилар* и т.п. Рассмотрим предложения: *ХIара дийнахьаа цига кхестаи хилар из*; *Денна цига кхестаи хилар из*; *Цхьан сахьата цига кхестаи хилар из*. Все эти три предложения объединены функционированием в них одного типа аналитической формы. Чем обусловлено такое параллельное употребление показателя раритива

ва данного типа с обстоятельственными словами, которые относят высказывание то к итеративу, то к мультипликативу? Думается, что здесь имеет место проявление значения кратности, сводимого к реализации многократной ситуации в рамках определенного ограниченного временного периода, причем ситуация является референциально однотипной, но в каждом своем повторении кванты данной ситуации не выходят за рамки заданного ограниченного промежутка времени. Кванты данной множественной ситуации повторяются ограниченное количество раз: час, день или каждый день, но промежуток времени четко задан и определен в отличие от других типов кратности. Так, если в случае с итеративом *ХIа-ра дийнахъа цига кхийстар из / Каждый день он крутился там* мы имеем дело с неограниченным повторением ситуации каждый день и в течение или на протяжении целого дня, то в предложении *ХIа-ра дийнахъа цига кхестаи хилар из / Каждый день он (активно) крутился там* кратность ситуации представляется как действие, интенсивно происходящее каждый день, но каждый день лишь в определенный ограниченный промежуток времени этого дня. Мы рассматриваем такого рода граммы в ингушском языке в качестве разновидности раритива со значением интенсивности и временной ограниченности кратности ситуации. Данную грамму предлагаем именовать в системе ингушского глагола *темпорально ограниченным раритивом*.

Кроме того, считаем возможным выделить в ингушском языке в семантической зоне кратности (итеративности) также и значение *мультипликатива*, обозначающего единый многократный акт, состоящий из отдельных повторяющихся единичных, мгновенных актов (квантов). В качестве особенностей данного типа кратности в лингвистике рассматривается референциальная однотипность описываемой ситуации и монотемпоральность данной ситуации [1, с. 133]. Так, в предложении типа *Цхъан сахъата цIен гонахъа кхийстар оалхазар / «Целый час вокруг дома кружила птица»* ситуации, входящие в мультипликативное множество, имеют стабильный состав актантов и относятся к одному непрерывному периоду времени в отличие от ситуаций, имеющих место быть при итеративном аспекте. Данное значение итеративности рассматривается нами как заложенное изначально в семантике некоторых глаголов типа *кхеста* 'кружить', *лета* 'бить', *етта* 'ударять', т.е. глаголов, называемых многократными. С такого рода

глаголами в контексте употребляются обстоятельства неограниченной или ограниченной длительности: *Дукха кхийстар из цига / Долго кружил он там*. В ингушском языке мультипликативная кратность ситуации передается глаголами многократного значения в форме прошедшего времени СВ и в форме настоящего времени: *Дукха кхест из цига / Долго кружит он там*. При анализе мультипликатива в ингушском языке обращает на себя внимание одна его особенность: в зависимости от контекста употребления многократные глаголы способны актуализировать то значение итератива, то мультипликатива. В предложении *ХIа-ра дийнахъа кхестар из цига / Каждый день он кружил там* мы имеем значение итеративной кратности ситуации, т.к. нет монотемпорального единства ситуации; в предложении же *Цхъа итт минота кхийстар из цига / Минут десять кружил он там* мы имеем мультипликативную кратность ситуации, подтвержденную актантной однотипностью и монотемпоральностью мультипликативного множества ситуации. При этом для выражения итеративного аспекта используются формы прошедшего времени НСВ, а для выражения мультипликатива – формы прошедшего времени СВ.

Многократные глаголы ингушского языка, задействованные для актуализации мультипликативного аспекта, с синтаксической точки зрения являются непереходными, а с семантической – обозначающими физические действия, воспринимаемые органами чувств человека типа *кхеста* 'кружить', *сетта* 'ломаться', *къега* 'сверкать' и т.п. При актуализации же итератива участвуют и непереходные, и переходные глаголы, обозначающие физические действия – движения, производимые актантом ситуации типа *етта* 'ударять', *тетта* 'толкать', *Iетта* 'колоть', *мела* 'пить', *аха* 'пахать' и т.п.

В лингвистике семантика многократных глаголов определяется как обозначение ими действий, «расчлененных на неограниченно повторяющиеся акты или кванты» [5, с. 194].

В ингушском языке с многократными глаголами семантически соотнесены глагольные лексемы, обозначающие действия, происходящие одномоментно, типа *тоха* 'ударить', *саца* 'остановиться', *лата* 'побить' и т.п. По семантике своей перечисленные глаголы представляют собой отдельный квант действия, представленного мультипликативным множеством фаз, заключенным в следующих соотнесенных коррелятах данных глаго-

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

лов *етта* 'ударять', *сеца* 'останавливаться', *лета* 'бить'. Такого рода глаголы называются в лингвистике однократными, одноактными, семельфактивными [2, с. 253]. Следует отметить, что многоактные глаголы в ингушском языке сочетаются с показателями НСВ, тогда как одноактные глаголы – с показателем СВ.

Данное соотношение не является, на наш взгляд, абсолютным, т. к. в ингушском языке для выражения многоактного значения (мультипликатива) участвует форма прошедшего времени СВ, т. е. значение вида не является прямо пропорциональным значениям однократности или многократности исходного глагола. И многократные, и однократные глаголы способны к образованию форм СВ и форм НСВ. Тем не менее и многократное, и однократное значения в структуре этих глаголов маркированы и семантически, и формально. И значение многократности соотносится с определенным образом со значением процессности, продолжительности, длительности действия. Исходя из этого, мы полагаем, что многократное значение маркируется в структуре глаголов ингушского языка именно в силу того, что многократные глаголы НСВ соотносятся с формально и семантически маркированными однократными глаголами СВ. Сказанное позволяет нам рассматривать мультипликатив в качестве одного из типов аспекта в ингушском языке.

К следующему типу грамматически оформленной количественной аспектуальности в ингушском языке мы относим показатели однократного аспекта – *семельфактива*: *ала* 'сказать', *кѡага* 'блеснуть', *тоха* 'ударить (один раз)', *самта* 'погнуться (один раз)': *Берах латар из / Он побил ребенка; Укхаза гIолла балха вахар из / Этой дорогой он пошел на работу.*

Таким образом, в ингушском языке мы выделяем два основных типа количественного аспекта – однократный и многократный. Много-

кратный аспект (итератив) представлен следующими разновидностями: мультипликатив, хабиитуалис, раритив, темпорально ограниченный раритив. Данные значения аспекта передаются лексически (многоактными и многократными глаголами) и морфологически (аналитическими формами глагола). По своим значениям итератив, мультипликатив и раритив противостоят семельфактиву, выраженному в ингушском языке чаще всего однократными глаголами.

Литература

1. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М. : УРСС, 2006. 348 с.
2. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2 : Морфология. Братислава : Словацкая АН, 1960.
3. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношение с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М. : УРСС, 2002.
4. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М. : УРСС, 2006.
5. Храковский В.С. Типология итеративных конструкций. Л. : Наука, 1989.
6. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Tallinn : Valgus, 1983.

About the quantitative aspectuality meaning realization in the Ingush language

There are regarded the following types of quantitative aspectuality: iteration, habituation, multiplication, usuality, rarity. There are described the grammatical and lexico-grammatical means of expression of the mentioned meanings in the Ingush language. The grammatical means of the quantitative aspectuality actualization are analytical and synthetical verb forms, lexical and grammatical means are iterative and semelfactive verbs.

Key words: *aspectuality, action multiplicity, iterative, rarity, habituation, usuality.*

